

## ИССЛЕДОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДИСКУРСА<sup>1</sup>

*Гануш Никл*

Доктор философских наук, доцент,  
философский факультет, Карлов университет.  
Nám. Jana Palacha 211638 Praha 1, Česká republika.  
E-mail: hanus.nykl@ff.cuni.cz

История эмиграции из бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии стала после 1990 г. часто изучаемым феноменом. В то же время необходимо констатировать, что до сих пор авторы большей части работ сосредоточивались прежде всего на собирании фактографических данных о жизни и деятельности отдельных представителей эмиграции или о «Русской акции помощи» в целом. Лишь небольшое количество публикаций посвящено более глубокому анализу самого научного дискурса и его значению. С течением времени произошло уточнение некоторых данных и представлений о русской эмиграции. Начинается новая фаза в исследовании русского зарубежья, в рамках которой было бы необходимо критически оценить научный вклад его отдельных представителей. Однако такая фаза уже должна протекать не в рамках всего дискурса русской межвоенной эмиграции, а в контексте отдельных специальностей.

**Ключевые слова:** русская философия, русская эмиграция, русские философы в Праге, русское зарубежье, «Русская акция помощи», Т. Г. Масарик.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-3-56-70

История эмиграции из бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии стала после 1990 г. часто изучаемым феноменом. Благодаря усилию десятков исследователей из Чехии и других стран когда-то замалчиваемая тема превратилась в самостоятельную научную дисциплину. За три прошедших десятилетия в результате изучения этой проблематики появились основные исследовательские пособия, определяющие границы темы и главные факты. Это библиография работ русской, украинской и белорусской эмиграции, хроника жизни русской межвоенной эмиграции и «путеводитель» по архивным источникам по теме рус-

<sup>1</sup> Статья представляет собой перевод исследования «Zkoumání ruské exilové filosofie v meziválečném Československu: kritické vymezení diskursu», напечатанного на чешском языке в журнале *Slovanský přehled: Slovanské historické studie*. 105. 2019. № 3. С. 419–433.

ской эмиграции<sup>2</sup>. Появились издания избранных источников для изучения истории русской эмиграции<sup>3</sup>. В настоящее время в Славянском институте Академии наук Чешской Республики создается также обширный биографический словарь русской эмиграции в Чехословакии, завершающий эту фазу исследований<sup>4</sup>. Параллельно создавались и создаются работы, посвященные контексту «Русской акции помощи» и отдельным областям деятельности русской эмиграции. Они публиковались прежде всего в сборниках, а также в журнале «Rossica» и некоторых других периодических изданиях<sup>5</sup>. Кроме того, необходимо упомянуть обзорные и популяризаторские работы<sup>6</sup>. Исследователи также уделяют внимание отдельным представителям эмиграции и организациям, которые вели работу в Чехословакии благодаря финансовой помощи чехословацкого правительства. Таким образом, можно утверждать, что за три последних десятилетия в этой области была проделана значительная научная работа. По данной тематике проходят конференции, публикуются коллективные монографии и сборники, научные исследования, популяризаторские статьи, реже монографии<sup>7</sup>. Не в последнюю очередь истории русской эмиграции посвящают выпускные работы студенты университетов в Чешской Республике.

В то же время необходимо констатировать, что до сих пор авторы большей части работ сосредоточивались прежде всего на собирании фактографических данных о жизни и деятельности отдельных представителей эмиграции или о «Русской акции помощи» в целом. Лишь небольшое количество публикаций посвящено более глубокому анализу самого научного дискурса и его значению.

<sup>2</sup> Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг.: В 3 т. Praha: Národní knihovna, 1996; Běloševská 2000; Ruská a ukrajinská meziválečná emigrace ve fondech Památníku národního písemnictví, Praha: Literární archiv PNP 1999; V. Podaný, H. Barvíková, Emigrace z Ruska v meziválečném Československu: prameny v českých, moravských a slezských archivech, Praha: Archiv AVČR 2000.

<sup>3</sup> Сладек З., Белошевская Л. (ed.), Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939), Praha: Slovanský ústav – Euroslavica 1998; Белошевская Л. et al. (ed.), Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии, т. 1, Praha: Slovanský ústav 2011; Белошевская Л. «Скит». Прага 1922–1940. Антология. Биографии. Документы. Москва: Русский путь, 2006.

<sup>4</sup> Гашикова Д. и др. Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945). Биографический словарь. Прага: Academia 2021 [в печати]. Далее в тексте (если не указано иначе) все библиографические данные о русских мыслителях приводятся по данному словарю.

<sup>5</sup> Напр.: V. Veber et al., Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945: 4 Vols, Praha: FFUK, 1993–1996; Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева (ред.), Русский заграничный исторический архив в Праге — документация: каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в государственном архиве Российской Федерации, Praha: Slovanská knihovna 2011; Истории изгнания: судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской Империи в межвоенной Чехословакии, Praha: Památník národního písemnictví, 2018.

<sup>6</sup> Напр.: Savický I., Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938, Praha: Academia 1999; Дом в изгнании: очерки русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945, Praha: Ruská tradice 2008; Petr Hlaváček, M. Fesenko, Rusové v Praze: ruští intelektuálové v meziválečném Československu, Praha: FFUK 2017.

<sup>7</sup> Из монографий приведем, например, Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940), Саратов: СГТУ 2012; М. Магидова. Под знаком каталогов и материалов к... // В. Н. Тукалевский и русская книга за рубежом 1918–1936 гг., Санкт-Петербург: Symposium 2016; Янчаркова Ю. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949): жизненный путь и научное наследие. Frankfurt am Main: Petr Lang 2012.

Еще меньшее число работ характеризуется критичным подходом к представителям русской науки в межвоенной Чехословакии. Иногда можно встретиться с некритичным отношением к их деятельности, граничащим с восхвалением. Возникает ощущение, что все их труды без исключения написаны на самом высоком уровне. Понятно, что это невозможно: наряду с деятелями мирового научного уровня в Чехословакии также жили и работали фигуры меньшего масштаба и рядовые представители своих дисциплин.

До сих пор редко издания научных трудов русских эмигрантов, в нынешний научный дискурс возвращается только часть написанного. Большинство авторов русского зарубежья и их произведения остаются скорее в сфере интересов узкого круга исследователей в области истории русской эмиграции.

С течением времени произошло уточнение некоторых данных и представлений о русской эмиграции. Начинается новая фаза в исследовании русского зарубежья, в рамках которой было бы необходимо критически оценить научный вклад его отдельных представителей. Однако такая фаза уже должна протекать не в рамках всего дискурса русской межвоенной эмиграции, а в контексте отдельных специальностей.

Проиллюстрируем эту проблему на примере одной из областей деятельности русских ученых в межвоенной Чехословакии — философии. Широко известно, что в рамках «Русской акции помощи» в нашей стране находилась многочисленная группа русских философов. Эту тему впервые затронул Владимир Гонец в 1993 г. в статье «Русская философская эмиграция в Чехословакии» (Гонец, 1993). Этот же автор составил для «Словаря чешских философов»<sup>8</sup> статьи, посвященные русским и украинским мыслителям. Его исследования продолжил Яромир Мах в публикации 2004 г. «Русские философы в межвоенной Чехословакии» (Mašch, 2004)<sup>9</sup> и Гануш Никл в статье 2011 г. «Русская философия в чешской научной среде» (Ныкл, 2011). В упомянутых работах поле для исследования определяется прежде всего с точки зрения персоналий. Задумаемся же об этой проблеме и попробуем уточнить границы области русской философии в межвоенной Чехословакии.

Каких мыслителей относят к числу философов-эмигрантов в Чехословакии? В. Гонец называет следующие имена: Н. Н. Алексеев, И. И. Бырдин, С. Л. Гессен, Г. М. Катков, А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, П. И. Новгородцев, М. М. Новиков, Н. Е. Осипов, А. Т. Павлов, П. Н. Савицкий, М. А. Циммерман, В. М. Чернов, Д. И. Чижевский, Б. В. Яковенко. Яромир Мах, кроме указанных выше в числе русских философов в ЧСР, упоминает следующие имена: В. Ф. Бул-

<sup>8</sup> *Slovník českých filozofů*, Brno, 1998.

<sup>9</sup> Этот же исследователь является автором заслуживающей внимания, однако, к сожалению, пока не изданной диссертации. Ср.: Idem. *Ruští intelektuálové v emigraci a jejich institucionální základna v Praze (na modelu Ruské svobodné univerzity a přidružených institucí (1923–1945))*, disertační práce, Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Historický ústav, Brno, 2012.

гаков, Е. Л. Буницкий, Г. В. Вернадский, А. А. Вилков, А. Д. Григорьев, А. А. Гришин, Г. Д. Гурвич, В. В. Зеньковский, Л. П. Карсавин, С. А. Левицкий, В. Э. Сеземан, П. А. Сорокин, Е. В. Спекторский, П. Б. Струве, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк, К. А. Чхеидзе, Р. О. Якобсон, а также А. Л. Бем, Е. А. Ляцкий и В. А. Францев. Таким образом, в этих двух статьях предлагается очень широкий список авторов, превышающий три десятка имен (а именно 37). Само по себе это очень много, настолько, что Чехословакия должна была бы стать центром русской философии. Для сравнения: в рамках так называемой акции «Философский пароход», когда в 1922 г. из Советской России были изгнаны выдающиеся, оппозиционно настроенные по отношению к большевикам интеллектуалы, среди двухсот представителей интеллигенции было 10 или 11 профессиональных философов (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин и Б. П. Вышеславцев)<sup>10</sup>. Очевидно, что необходимо вновь задуматься над вопросом о реальном персональном составе русских философов-эмигрантов в Чехословакии.

Первым аргументом для включения упомянутых мыслителей в список является их пребывание на территории Чехословакии. Некоторые деятели русского зарубежья во время изгнания меняли место пребывания несколько раз, и эмигранты в Чехословакии в этом отношении не были исключением. Для добавления философа в контекст русских эмигрантов в Чехословакии необходимо, чтобы указанные деятели действительно определенное время жили и работали по специальности в этой стране. Однако у некоторых из упомянутых в списке мы не можем этого доказать, а именно у В. Э. Сеземана, Л. П. Карсавина, С. Л. Франка и Н. А. Бердяева.

Конечно, это не означает, что указанные мыслители никак не были связаны с Чехословакией. Например, Франк был в ЧСР несколько раз в гостях, в сентябре 1924 г. выступал на конференции Русского христианского студенческого движения (РХСД), в 1931 г. читал доклад в Русском философском обществе (РФО), вел дискуссионный вечер в Русском народном университете, участвовал в проходившем в Праге философском конгрессе (Věloševska (ed.), 2000: 160). Кроме того, он был одним из основателей Братства Святой Софии, возникшего в ЧСР. Однако жил он в Германии, откуда перебрался во Францию, опасаясь преследования со стороны нацистов (Voobuyer, 1995). Во время пребывания в Берлине Франк несколько раз получал по распоряжению Т. Г. Масарика однократную годовую помощь чехословацкого правительства (Doubek (ed.), 2015: 497, 527, 547).

<sup>10</sup> Философию изучал также литературовед Ю. И. Айхенвальд, см.: Макаров В. Г., Христофоров В. С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом-осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С 113–137; ср. также: Chamberlainova L. The Philosophy Steamer. Lenin and the Exile of the Intelligentsia, London: Atlantic Books 2006.

В Чехословакию минимум дважды приезжал и Бердяев. В октябре 1923 г. он выступал на Русской студенческой христианской конференции в Пршерове и на заседании РФО в Праге, в апреле 1929 г. читал лекции в рамках мероприятий «Young Men's Christian Association» (YMCA) (Běloševska (ed.), 2000: 113–114, 348–349). Постоянно же Бердяев жил сначала в Берлине, а впоследствии в Париже (точнее, в пригороде Парижа Кламар), где и умер.

Пребывание в Чехии Карсавина и Сеземана не подтверждается доступными нам источниками. После эмиграции Сеземан жил сначала до 1923 г. в Берлине, откуда перебрался в литовский Каунас. Карсавин жил сначала в Берлине, затем в Париже и, наконец, с 1928 г. обосновался в Литве (Казарян, 2000: 341–357). Таким образом, Бердяева, Карсавина, Сеземана и Франка мы можем исключить из списка русских философов-эмигрантов в Чехословакии.

Следующий вопрос — национальная принадлежность представителей эмиграции. С этой точки зрения понятие «русская эмиграция» может быть интерпретировано двояко. Либо речь идет об эмиграции из бывшей Российской империи, и тогда в эту группу можно включить украинцев, белорусов, калмыков, грузин и представителей других национальностей, либо мы говорим об эмиграции в узком смысле слова, то есть только об этнических русских. В связи с этим понятие «русская эмиграция» в современной историографии все чаще заменяется сочетанием «эмиграция из бывшей Российской империи»: это дает возможность научной спецификации разных, отличных от русского с точки зрения национальности, сегментов эмиграции.

В случае философов русского зарубежья уместно задуматься, кто из них с этой точки зрения может быть отнесен именно к русским философам. Ключевым критерием здесь, разумеется, является не национальная принадлежность как таковая, а языковой и культурный контекст, в котором находился мыслитель. Язык — основной инструмент философствования; культурным контекстом в случае эмиграции мы можем считать участие в деятельности русских организаций и в русском философском дискурсе. В случае межвоенной Чехословакии спорным с этой точки зрения является включение в список украинских мыслителей в том случае, если они проявлялись своей украинскостью и сотрудничали с украинскими эмигрантскими организациями.

Из приведенного выше списка эта проблема касается прежде всего Дмитрия (Дмитро) Ивановича Чижевского (1894–1977)<sup>11</sup> (Čyževskyj, 2004). Этот философ и ученый-энциклопедист во время пребывания в Чехословакии в 1924–1932 гг. участвовал в деятельности как украинских, так и русских научных и педагогических организаций. Его можно без преувеличения считать мыслителем двух

<sup>11</sup> О нем см., напр.: Dmytro Čyževskyj, osobnost a dílo // Sborník příspěvků z mezinárodní konference pořádané Slovanskou knihovnou při Národní knihovně ČR. Praha: Národní knihovna, 2004.

культур, который, кроме того, нераздельно связан в своей деятельности с чешской и немецкой средой (Магид, 2007). Его публикации выходили на нескольких языках, однако главные произведения, посвященные философии или истории философии, написаны по-украински<sup>12</sup>. Творчество Чижевского также довольно подробно описано в зарубежных публикациях, где он представлен прежде всего как ведущий мировой славист. Хотя его научное наследие связано с русской философией, отнесение его к числу русских философов представляется спорным.

Мы подходим к самому важному вопросу, а именно к профессиональной принадлежности русских ученых в эмиграции. Все ли среди упомянутых — философы по профессиональной деятельности? Здесь мы сталкиваемся с непростым вопросом определения философии. В разное время и в рамках различных философских направлений определения этой сферы человеческой деятельности отличаются, и поэтому мы не можем предложить универсальную формулировку. Русская философия в этом отношении еще более проблематична; это специфический дискурс, предлагающий зачастую непривычные темы и мыслительные приемы, которые для западного дискурса не всегда считаются философией. Некоторые русские деятели воспринимаются на Западе как философы, другие же — как социальные или религиозные мыслители, литераторы или эссеисты. Единой точки зрения по этому вопросу нет и в самой России. Так, в полемике между русскими неокантианцами и религиозными философами перед Первой мировой войной довольно часто доходило до того, что обе группы отказывались считать друг друга философами. С другой стороны, в настоящее время русская философия — стандартный предмет изучения как в самой России, так и на Западе. Будучи таковой, она имеет определенный круг представителей и направлений, включенных в ее рамки. Они очерчены классическими и современными работами по истории русской философии, а также академическими словарями и энциклопедиями, которые могут нам помочь в более точном определении этой области<sup>13</sup>. Важное подспорье при определении профессиональной принадлежности того или иного деятеля — восприятие его трудов историками русской философии.

Мы не имеем цели высказывать какое-либо мнение в этой области и исключать из философии или относить к ней тот или иной тип мышления. Для наших целей достаточно чисто профессионального определения философа. Таковым, с нашей точки зрения, можно считать того, кто систематически занимается теоретическими философскими проблемами или с определенной философской точ-

<sup>12</sup> Ср. напр. его избранные произведения: Чижевський Д. Філософські твори у чотирьох томах. Київ: Смолоскип, 2005..

<sup>13</sup> Такими стандартными пособиями можно считать, напр.: Русская философия: энциклопедия. М.: Алгоритм, 2007; Русская философия: словарь. М.: ТЕРРА-Республика, 1999; Русская философия: малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995; Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2000–2001.

ки зрения теоретические проблемы анализирует. Таким образом, мы однозначно исключаем из философии так называемое философствование, которое в той или иной степени свойственно каждому думающему человеку, что не является основанием для причисления его к философам. Кроме того, философ на протяжении всей жизни сохраняет профессиональное отношение к своей специальности. В таком случае очевидно, что философами мы должны были бы считать прежде всего тех, кто изучал философию, посвятил ей значительную часть жизни и определенное число произведений, кроме того, во время своей профессиональной деятельности участвовал в философских событиях: печатался в философских журналах, выступал на философских форумах, преподавал философию или ее историю. Возможно, что некоторые мыслители не соответствуют всем приведенным выше критериям (например, некоторые известные представители русской философии не учились по этой специальности в университете), однако должны были бы соответствовать хотя бы большей части. Наоборот, одно только членство в философских организациях или обществах, отдельные выступления с докладами, посвященными какому-то философскому аспекту, или интерес к философским вопросам еще не являются достаточными для включения того или иного деятеля в число философов.

В приведенном выше списке указан целый ряд ученых, работавших по какой-либо специальности и наряду с этим занимавшихся теоретическими или философскими вопросами. Для фундаментальной науки философское расширение границ если не естественно, то по меньшей мере желаемо. Работа с философской литературой для ученого — часть методологии или более широкий контекст его дисциплины, однако еще не философская деятельность как таковая. Отрасли науки формировались постепенно, и большая их часть (если не все) имеет происхождение в философии. Однако из-за этого мы в XX в. (а тем более в XXI) не будем считать их философией. Такой специальностью является, например, психология, которая как самостоятельная научная дисциплина оформилась относительно поздно и еще в конце XIX в. была тесно связана с философией (ср. пример известного русского дореволюционного журнала «Вопросы философии и психологии», соединявшего обе дисциплины уже в названии). Такие ученые могли быть членами философских организаций или обществ (например, Русского философского общества или Русского народного/свободного университета), один или несколько раз выступать с докладами, посвященными тому или иному философскому аспекту, или проявлять интерес к философским вопросам. Этого для их включения в сферу философии недостаточно. Характерно и то, что сами себя они философами не считали.

В группу ученых, интересующихся философскими вопросами, должен был бы быть включен теоретик педагогики А. Т. Павлов (1891–1965?). Он занимался творчеством Т. Г. Масарика, пытался оценить его вклад в философию и рабо-

тал над переводом на русский язык труда Масарика «Россия и Европа». Павлов также создал библиографию чехословацкой философии, которую ему помог довести до более цельного вида Б. В. Яковенко (Pawlow, 1935). Однако его главной научной деятельностью было редактирование педагогического журнала «Русская школа». К этой группе также относится биолог М. М. Новиков (1876–1965), последний свободно избранный ректор Московского университета, который в межвоенной Чехословакии руководил Русским народным/свободным университетом. Кроме ряда работ, посвященных биологии, он оставил воспоминания «От Москвы до Нью-Йорка» (Hermann, 2005). Упомянем также психиатра Н. Е. Осипова (1877–1934), принадлежавшего к числу первых русских сторонников психоанализа Фрейда. С этой точки зрения он пытался в написанных в эмиграции работах рассматривать русскую литературу (Važantová, 2019). А. А. Кизеветтер (1866–1933) был историком, в Чехословакии занимался прежде всего педагогической и научно-организационной деятельностью (например, был председателем Русского исторического общества). А. Д. Григорьев (1874–1940) — филолог, диалектолог и фольклорист (Lemeškinová, 2012). В. А. Францев (1867–1942) — историк литературы и профессор славянской филологии в Карловом университете. Е. А. Ляцкий (1868–1942), историк литературы, руководил пражским эмигрантским издательством «Пламя» и был профессором русского языка и литературы в Карловом университете (Konvalinkova, 2019). А. Л. Бем (1886–1945), литературовед, специалист по творчеству Достоевского, в межвоенной Праге возглавлял поэтическое объединение «Скит поэтов». Р. О. Якобсон (1896–1982) — всемирно известный филолог, славист, приверженец структурализма. П. А. Сорокин (1889–1968), социолог с мировым именем, первый декан социологического факультета в Гарварде, провел в Чехословакии около года по приглашению Масарика. Г. В. Вернадский (1887–1973), историк, известный после Второй мировой войны прежде всего в США, относился к сторонникам евразийства. А. А. Гришин (1892–?) — журналист и беллетрист, член Союза русских писателей в Чехословакии. Е. Л. Буницкий (1874–1952), математик, работал на физико-математическом факультете Карлова университета и занимался также логикой. Кроме того, в Чехословакии находилась многочисленная группа правоведов, к которым относились упомянутые в списке Н. Н. Алексеев (1879–1964), А. А. Вилков (1872–1958), Г. Д. Гурвич (1894–1965), М. А. Циммерман (1885–1935), работавшие на Русском юридическом факультете. Иногда в связи с их научным направлением появляется понятие «философия права» или «правовая философия», хотя в наше время мы бы уже не искали эту теоретическую юридическую дисциплину в рамках философии. Правовые вопросы в их произведениях иногда переплетаются с вопросами философскими и социологическими. С областью философии больше всего было связано творчество Гурвича, однако в научных кругах он известен прежде всего как социолог.



Следующую группу деятелей из приведенного списка мы можем охарактеризовать как сторонников того или иного учения. В случае представителей русского зарубежья в межвоенной Чехословакии речь идет о сторонниках толстовства и учения Н. Ф. Федорова. В широком смысле учение и Л. Н. Толстого, и Федорова можно назвать «философией», и оба мыслителя обычно включаются в историю русской философии, хотя степень их настоящей философичности является спорной. У Толстого более уместно говорить скорее об этическом учении, чем о философии, а в случае Федорова речь идет о построении утопии с помощью научных и религиозных элементов. Как бы то ни было, приверженцы этих течений мысли не занимались теоретическими вопросами даже на уровне своих учителей, как правило, они действовали в рамках парадигм, заранее определенных основателем учения. В связи с этим их работы можно изучать в контексте истории идей, идеологий или движений, однако не в рамках философии. По этой же причине нельзя считать философами В. Ф. Булгакова (1886–1966), последнего секретаря Л. Н. Толстого, который был последовательным пацифистом и пропагандистом учения русского писателя. В конце своего пребывания в ЧСР он все более сближался с марксизмом, и это изменение взглядов сделало возможным его возвращение в СССР после Второй мировой войны (Pícha, 2017). Подобным образом философией не являются и произведения К. А. Чхеидзе (1897–1974), основавшего в пражском Музее национальной письменности фонд «Fedoroviana Pragensia», посвященный документам, связанным с учением Федорова.

Отдельного внимания заслуживает русское евразийство. Эта междисциплинарная платформа имеет политические, научные, философские, отчасти и религиозные аспекты (Vogáček, 2004). Речь идет о широком движении, в котором принимал участие ряд известных интеллектуалов, включая философов (Флоровский, Карсавин). Однако евразийство само по себе не является философией, и его сторонников (в свое время довольно многочисленных) нельзя отнести к числу философов только на основании принадлежности к этому движению.

В нашем случае можно спорить о том, считать ли философом ведущего представителя движения П. Н. Савицкого. Его труды, несомненно, носят философский характер, их можно отнести к философии истории или философии культуры, однако профессиональным философом он не был.

Можно упомянуть еще два имени, не принадлежавших ни к философствующим ученым, ни к приверженцам философского движения. Речь идет о В. М. Чернове (1873–1952), одном из главных лидеров партии эсеров и в связи с этим председателем избранного в 1917 г. Учредительного собрания. В эмиграции он работал над усовершенствованием программы эсеров. Как профессиональный политик он, конечно же, обращался и к теоретическим концептам. Попытки воспринимать теоретически мыслящих политиков как философов, несомненно, всегда имели и имеют место: в межвоенной Чехословакии, например, Яковенко подобным образом, как о Масарике, писал об Эдварде Бенеше как философе (Jakovenko, 1935), од-

нако в случае Чернова нет повода для подобных интерпретаций. Наконец, особый случай — врач и ветеринар И. И. Бырдин (1879–1943), который в список философов попал потому, что в больших количествах издавал брошюры, пропагандирующие его представление о том, что главной целью эволюции является человеческий мозг. Здесь мы встречаемся с изрядной долей дилетантства и идеологически окрашенного эклектизма, но никак не с философией (Никл, 2012).

Если мы попытаемся подытожить сказанное выше, то должны будем констатировать, что деятельность упомянутых выше представителей русской эмиграции связана с философией только косвенно, а в некоторых случаях совсем не связана. Наиболее тесно связано с философией творчество математика и логика Буницкого, социолога и философа культуры Гурвича, географа и ведущей фигуры евразийства Савицкого, а также теоретика педагогики Павлова.

Итак, большинство упомянутых выше деятелей мы не можем считать философами. Однако остается немало таких, чья принадлежность к этой области человеческой деятельности в соответствии с установленными выше критериями намного очевиднее. Самым известным русским философом своего времени в Чехословакии был, очевидно, Н. О. Лосский (1870–1965). Он получил профессиональное признание в своей области еще в дореволюционной России и создал оригинальную философскую систему, которую назвал интуитивизмом. Лосский был ключевой фигурой философской жизни межвоенной Праги, имел обширные контакты с чешской философией (Лосский, 2008; Sládek, 2011), и почти все его публикации посвящены данной области знания (Haicl, 2018). Также в Чехословакии находилась группа русских неокантианцев, составлявших значительную главу дореволюционной философской жизни в России. Самым старшим из них был современник Лосского И. И. Лапшин (1870–1952), до революции профессор философии Петербургского университета. В ЧСР он продолжал заниматься теоретической философией, которую также преподавал на Русском юридическом факультете, в Карловом университете и других учебных заведениях; его труды в это время продолжают носить философско-теоретический характер, а также посвящены вопросам философии искусства. К молодому поколению русских неокантианцев принадлежал Б. В. Яковенко (1884–1949), один из ведущих представителей русской версии международного журнала «Логос» и пропагандист научной философии. Свою собственную философскую концепцию он называл «философией плюрализма» и пропагандировал ее в дореволюционных статьях. В период эмиграции он занимался скорее издательской деятельностью в области философии и историей философии, итогом чего стали две обширные монографии, посвященные истории русской философии и истории гегельянства в России (Jakovenko, 1939; Jakovenko, 1938)<sup>14</sup>. С. И. Гессен (1887–1950), в дореволю-

<sup>14</sup> О чехословацком периоде Яковенко см.: Магид С. Философ Яковенко (подготовительные материалы) // Běloševská L. (ed.). *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (méně známé aspekty)*, Praha: Slovanský ústav 1999, pp. 280–303.

ционные годы коллега Яковенко и ведущий представитель младшего поколения русского неокантианства, в период эмиграции занимался философией педагогики<sup>15</sup>. Успехов на этом поприще он достиг прежде всего монографией «Философские основы педагогики», чешская версия которой была награждена премией тогдашнего министерства образования. Гессен, Лапшин, Лосский и Яковенко провели в Чехословакии немалую часть жизни, и их деятельность также нашла отражение в чехословацкой среде.

Многочисленна и группа русских философов, прошедших в Чехословакии всего несколько лет в течение 1920-х гг. В этот круг можно включить философа права П. А. Новгородцева (1866–1924). Хотя он прожил в Чехословакии четыре неполных года (1920–1924) и занимался в это время скорее административно-организационными обязанностями декана Русского юридического факультета, его творчество носит теоретический характер, который выделяет его из контекста правовых теоретиков, работавших в этой организации<sup>16</sup>. Далее вспомним одного из наиболее известных представителей русской религиозной философии, С. Н. Булгакова, жившего в Чехословакии с мая 1923 г. по май 1925 г. В 1922–1925 гг. в Чехословакии также жил и работал известный политический философ П. Б. Струве (1870–1944). К указанной группе относится также философ и теоретик общественных наук Е. В. Спекторский, проведенный в Праге три года (1924–1927). Далее необходимо упомянуть философа, теоретика педагогики и известного историка русской философии В. В. Зеньковского (1881–1962), жившего в Чехословакии в 1923–1927 гг. Самый младший в этой группе всемирно известный православный богослов и историк русской философии Г. В. Флоровский (1893–1979), чехословацкий период которого охватывает 1921–1926 и 1944–1945 гг. Хотя для этих ученых пребывание в Чехословакии было только малым отрезком их профессиональной деятельности, речь идет о значительных, с мировым именем представителях русской мысли.

Для некоторых русских мыслителей Чехословакия имела формирующее значение в начале их профессионального пути. Доктор философии Немецкого университета в Праге Г. М. Катков (1903–1985) в межвоенное время был хранителем архива крупного философа Ф. Brentano. После переезда в 1939 г. в Великобританию Катков занимался историей, которую преподавал в Оксфорде. Еще одним философом самого молодого поколения русской эмиграции стал С. А. Левицкий (1908–1983). После получения степени доктора философии в Немецком университете в Праге он жил и работал главным образом в США, где занимался историей философии.

В дополнение к приведенному выше списку скажем, что в 1923–1925 гг. в Чехословакии жил также Л. А. Зандер (1893–1964), которого иногда относят к рус-

<sup>15</sup> О деятельности С. Гессена в Чехословакии см. Dana Slobodová, *Filosofie pedagogiky Sergeje Gessena* // Nykl H. (ed.). *Vybrané kapitoly z ruského myšlení 20. století*, Prague: Karolinum Press, 2018, pp. 101–142; Gonč V., *Sergius Hessen a Československo*, Brno: Masarykova univerzita, 2000.

<sup>16</sup> О П. Новгородцеве см. одну из последних работ: Zemánek L. *Člověk, stát a právo v myšlení Pavla Novgorodceva, diplomová práce*, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Praha: Ústav východoevropských studií, 2018.

ским религиозным философам. В своей научной деятельности он занимался правовыми и теологическими вопросами и примкнул к учению С. Н. Булгакова, философскую систему которого описал в монографии.

Подводя итоги, можно сказать, что Чехословакия стала в межвоенный период одним из крупнейших мировых центров русской философии. Этот факт объясняется не наличием конкретной философской организации или течения, а тем, что здесь благодаря «Русской акции помощи» сосредоточилось большое количество значительных деятелей русской науки. Среди них профессиональными философами можно считать Н. О. Лосского, И. И. Лапшина, Б. В. Яковенко, С. И. Гессена, которые были авторитетными мыслителями уже в дореволюционной России и провели в Чехословакии довольно много лет. Из известных русских мыслителей, которые по разным причинам провели в этой стране более короткое время, необходимо упомянуть П. А. Новгородцева, С. Н. Булгакова, П. В. Струве, Е. В. Спекторского, В. В. Зеньковского и Г. В. Флоровского. Чехословакия стала страной, где из младшего поколения русских философов зарекомендовали себя в области философии Г. М. Катков и С. А. Левицкий.

В целом можно говорить о трех поколениях русских философов в Чехословакии: это, во-первых, те, кто в этой стране завершил свой профессиональный путь; во-вторых, те, кто успел получить признание еще в дореволюционной России, но вершины карьеры достиг в эмиграции; и, наконец, те, для кого эмиграция представляла самое начало их профессионального пути.

С точки зрения философских направлений речь идет о неоднородной группе, в рамках которой мы можем видеть русских неокантианцев (Лапшин, Яковенко, Гессен, отчасти Новгородцев), религиозных философов (Булгаков) и будущих теологов (Флоровский, Зеньковский), политических философов (Струве) и представителей других течений.

Чехословакия не стала местом возникновения какой-либо особой школы русской философии: мы имеем дело с неоднородным скоплением творческих личностей, обусловленным обстоятельствами того времени. Около двенадцати из них мы можем считать представителями русской философии. Кроме того, в Чехословакии жили и работали мыслители и ученые, профессионально соприкасавшиеся с философией: Буницкий, Гурвич, Савицкий, Павлов и Зандер. Другие деятели, характеризовавшиеся ранее как философы, или сотрудничали с указанными выше философами в рамках разных проектов, или участвовали в брожении идей представителей русского зарубежья в межвоенной Чехословакии, однако были специалистами в других областях. Но даже в этом критически сокращенном виде тема русских философов в межвоенной Чехословакии является интересным исследовательским полем, которое может принести замечательные плоды.

## Литература

- Казарян А. Т.** (2012) Карсавин // Православная энциклопедия. Т. 31. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». С. 348–356.
- Лосский Н. О.** (2008) Воспоминания: жизнь и философский путь / вступ. ст. О. Т. Ермишин; коммент., публикация текстов в прил. О. Т. Ермишин, С. М. Половинкин. М.: Викмо-М: Русский путь, 2008. 398 с.
- Магид С.** (2007) Д. И. Чижевский в «украинской» Праге в 1924–1932 гг. (историко-публицистическое исследование) // *Rossica*. № 1. С. 1–48.
- Никл Г.** (2012) Иван Бырдин — русский философ? // На рубеже культур: Русская эмиграция в межвоенной Чехословакии (Памяти Марины Юрьевны Досталь): сборник статей. М.: Ин-т славяноведения РАН. С. 171–178.
- Ныкл Г.** (2011) Русская философия в чешской научной среде — точки соприкосновения и расхождения // *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*. Praha: Slovanský ústav. С. 186–197.
- Važantová N.** (2019) Pojetí ruské literatury v díle N. J. Osipova, bakalářská práce, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Ústav východoevropských studií, Praha. 45 s.
- Běloševska L.** (ed.) (2000) Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace, 2 díly, 1 d., Praha: Slovan. úst. AV ČR. 368 s.
- Boobbyer F.** (1995) S. L. Frank: The Life and Work of a Russian Philosopher, 1877–1950. Ohio: Ohio University Press. 292 s.
- Doubek V.** (ed.) (2015) Korespondence: T. G. Masaryk — Slované. Sv. 1: Poláci, Rusové a Ukrajinci, Praha: Masarykův úst. AV ČR. 509 s.
- Goněc V.** (1993) Ruská filozofická emigrace v Československu // *Slovanský přehled*. № 1. S. 38–44.
- Haicl M.** (2018) Filozofické dílo Nikolaje Losského // Hanuš Nykl (ed.) Vybrané kapitoly z ruského myšlení 20 století. N. O. Losskij, I. A. Iljin, S. I. Gessen, L. N. Gumil'ov, Prague: Karolinum Press. S. 21–64.
- Hermann T.** (2005) Biolog Michail M. Novikov (1876–1965). pitola z dějin ruské vědy v emigraci // *Český časopis historický*. № 2. S. 313–353.
- Jakovenko B. V.** (1935) Eduard Beneš als Denker // *La philosophie tchécoslovaque contemporaine*. Nouvelle édition, corrigée et complete. Praha. S. 105–120.
- Jakovenko B. V.** (1939) Dějiny ruské filosofie, Praha 1938, přeložil F. Pelikán. 562 s.
- Konvalinkova K.** (2019) Vydavatelská činnost ruské meziválečné emigrace v Československu: bakalářská práce // Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Ústav východoevropských studií, Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta. 2 s.
- Lemeškinová M.** (2012) Život a dílo A. D. Grigorjeva: disertační práce // Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Ústav východoevropských studií, Praha.
- Mach J.** (2004) Ruští filozofové v meziválečném Československu // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*, B 51. S. 126–136.
- Pawlow A.** (1935) Boris Jakovenko, Kurze Bibliographie der neuen tschechoslowakischen Philosophie. Praha. 58 s.
- Pícha V.** (2017) Stát v křesťansko-anarchistické ideologii tolstojovce Valentina Bulgakova // *Dějiny jednoho pacifismu*, *Slovanský přehled* 103. № 2. S. 319–342.
- Sládek K.** (2011) Nikolaj Losskij: obhájce mystické intuice // *Život a dílo Nikolaje Losského v prvorepublikovém i válečném (rozděleném) Československu*, Červený Kostelec. 210 s.
- Voráček E.** (2004) Eurasijství v ruském politickém myšlení: osudy jednoho z porevolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace, Praha: Set Out. 350 s.

A CRITICAL APPROACH TO DEFINING DISCOURSE<sup>17</sup>*Hanush Nykl*

Ph.D., senior lecturer, Faculty of Arts, Charles University.

2 Jan Palach Square 116 38 Praha 1

E-mail: hanus.nykl@ff.cuni.cz

The history of emigration from the former Russian Empire in interwar Czechoslovakia became a frequently studied phenomenon after 1990. At the same time, it should be noted that until now, the most authors in their works have focused primarily on collecting factual data about the life and activities of individual representatives of emigration or about the “Russian action of help” as a whole. Only a small number of publications are devoted to a deeper analysis of the scientific discourse itself and its significance. Over time there has been a refinement of some data and ideas about the Russian emigration. A new phase in the study of the Russian Diaspora is beginning, in the context of which it would be necessary to critically evaluate the scientific contribution of its individual representatives. However, this phase should already take place not within the entire discourse of Russian interwar emigration, but in the context of individual specialties.

**Keywords:** Russian philosophy, Russian abroad, Russian philosophers in Prague, Russian diaspora, “Russian action for help”, T. G. Masaryk.

**References**

- Bažantová N. (2019) *Pojetí ruské literatury v díle N. J. Osipova*, bakalářská práce, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Ústav východoevropských studií, Praha (in Czech).
- Běloševska L. (ed.) (2000) *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace*, 2 díly, 1 d., Praha: Slovan. úst. AV ČR (in Czech).
- Boobbyer F. (1995) *S. L. Frank: The Life and Work of a Russian Philosopher, 1877–1950*, Ohio: Ohio University Press (in English).
- Doubek V. (ed.) (2015) *Korespondence: T.G. Masaryk — Slované. Sv. 1: Poláci, Rusové a Ukrajinci*, Praha: Masarykův úst. AV ČR (in Czech).
- Goněc V. (1993) Ruská filozofická emigrace v Československu, *Slovanský přehled*, no 1, pp. 38–44 (in Czech).
- Haičl M. (2018) Filozofické dílo Nikolaje Losského. *Vybrané kapitoly z ruského myšlení 20 století. N. O. Losskij, I. A. Iljin, S. I. Gessen, L. N. Gumiljov* (ed. Hanuš Nykl, Prague: Karolinum Press, 2018, pp. 21–64 (in Czech).

<sup>17</sup> The article is a translation of the study «Zkoumání ruské exilové filosofie v meziválečném Československu: kritické vymezení diskursu», published in Czech in the magazine *Slovanský přehled: Slovanské historické studie*. 105. 2019. № 3. p. 419–433.

- Hermann T. (2005) Biolog Michail M. Novikov (1876–1965). Pitola z dějin ruské vědy v emigraci. *Český časopis historický*, no 2, pp. 313–353 (in Czech).
- Jakovenko B. V. (1935) Eduard Beneš als Denker. *La philosophie tchécoslovaque contemporaine*. Nouvelle édition, corrigée et complete. Praha, pp. 105–120 (in French).
- Jakovenko B. V. (1939) *Dějiny ruské filosofie* (ed. F. Pelikán), Praha 1938 (in Czech).
- Kazarjan A. T. (2012) Karsavin [Karsavin]. *Pravoslavnaja jenciklopedija=Orthodox Encyclopedia*, vol. 31, Moscow: Cerkovno-nauchnyj centr “Pravoslavnaja jenciklopedija”, pp. 348–356 (in Russian).
- Konvalinkova K. (2019) *Vydavatelská činnost ruské meziválečné emigrace v Československu: bakalářská práce*. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Ústav východoevropských studií, Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta (in Czech).
- Lemeškinová M. (2012) Život a dílo A. D. Grigorjeva: disertační práce. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, Ústav východoevropských studií, Praha, 2012 (in Czech).
- Losskij N. O. (2008) *Vospominanija: Zhizn' i filosofskij put'* [Memories. Life and the Philosophical Path] (an introductory article O. T. Ermishin; comments, publication of texts in the appendix O. T. Ermishin, S. M. Polovinkin), Moscow: Vikmo-M: Russkij put', pp. 197–250 (in Russian).
- Mach J. (2004) Ruští filozofové v meziválečném Československu. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university*, B 51, pp. 126–136 (in Czech).
- Magid S. (2007) D. I. Chizhevskij v «ukrainskoj» Prage v 1924–1932 gg. (istoriko-publicisticheskoe issledovanie) [D. I. Chizhevsky in the “Ukrainian” Prague in 1924–1932 (historical and journalistic research)]. *Rossica*, no 1, pp. 1–48 (in Russian).
- Nikl G. (2012) Ivan Byrdin — ruskij filosof? [Is Ivan Byrdin a Russian Philosopher?]. *Na rubezhe kul'tur: Russkaja jemigracija v mezhoennoj Chechoslovakii (Pamjati Mariny Jur'evny Dostal')*: sborník statej, Moscow: Institut slavjanovedenija RAN, pp. 171–178 (in Russian).
- Nykl G. (2011) Russkaja filosofija v cheshskoj nauchnoj srede — točki soprikosnovenija i rashozhdenija [Russian Philosophy in the Czech Scientific Community — Points of Contact and Divergence]. *Slavia: Casopis pro slovanskou filologii*, Praha: Slovansky ustav, pp. 186–197 (in Russian).
- Pawlow A. (1935) *Boris Jakovenko. Kurze Bibliographie der neuen tschechoslowakischen Philosophie*, Praha (in German).
- Pícha V. (2017) Stát v křesťansko-anarchistické ideologii tolstojovce Valentina Bulgakova. *Dějiny jednoho pacifismu, Slovanský přehled* 103, no 2, pp. 319–342 (in Czech).
- Sládek K. (2011) *Nikolaj Losskij: obhájce mystické intuice. Život a dílo Nikolaje Losského v prvorepublikovém i válečném (rozděleném), Československu, Červený Kostelec* (in Czech).
- Voráček E. (2004) Eurasijství v ruském politickém myšlení: osudy jednoho z porevolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace, Praha: Set Out.